

Все мы вышли из «Грушинской шинели»

Докторов Борис Зусманович

Д-р филос. наук, профессор, независимый исследователь и консультант

E-mail: bdoktorov@inbox.ru

Б.А. Грушин принадлежит к узкой группе исследователей, с полным правом называемых основателями советской теоретико-эмпирической социологии. Как философ и методолог, он значительно углубил понятийный язык социологии, рассмотрел многие сложные проблемы генезиса массового сознания и поведения. Особое место в его творчестве занимали вопросы изучения общественного мнения, он первым в СССР стал проводить опросы населения и публиковать результаты анализа мнений людей в прессе. Б.А. Грушин — один из основателей Всероссийского (ранее — Всесоюзного) центра изучения общественного мнения.

Публикуемый ниже материал представляет собой автореферативное изложение в формате журнальной статьи основных идей одноименной книги, выход которой был приурочен к IV Международной социологической конференции «Продолжая Грушина» (2014). Она знакомит читателя с основными вехами биографии и научными достижениями Б.А. Грушина.

Ключевые слова: Б.А. Грушин, интеллектуальная биография, история советской/российской социологии, массовое сознание, менталитет, опросы общественного мнения, социальные науки в СССР.

We All Come from «Grushin's Overcoat»

Doktorov Boris Zusmanovich

Ph.D. (Philosophy), Professor, Independent Researcher and Consultant.

E-mail: bdoktorov@inbox.ru

B.A. Grushin belongs to a small group of researchers, rightfully called the founders of Soviet theoretical and empirical sociology. As a philosopher and methodologist he contributed significantly to the conceptual language of sociology, addressed many of the complex problems of the genesis of mass consciousness and behavior. A special place in his work was given to questions of the study of public opinion, he was the first in the USSR to begin conducting public opinion polls and publishing the results of the analysis of people's opinions in the press. B.A. Grushin was one of the founders of the Russian (former all-Union) center for the study of public opinion.

The material published herein is a synopsis statement in the format of a journal article of the main ideas of the eponymous book, which was dedicated to the IV International sociological conference "Following Grushin's traditions" (2014). It acquaints the reader with the main stages of the biography and scientific achievements of B.A. Grushin.

Keywords: B.A. Grushin, intellectual biography, mentality, public opinion polls, social science in the USSR, the history of Soviet / Russian sociology, the mass consciousness.

Второго августа 2014 г. Борису Андреевичу Грушину (1929–2007) исполнилось бы 85 лет. Это повод, отправной момент для написания предлагаемой небольшой статьи, но ни в ее содержании, ни в стиле нет ничего «юбилейного». Ее цель рассказать о жизни и проанализировать творчество ученого, чей значительный вклад в развитие советской/российской науки и политической культуры давно признан нашим профессиональным сообществом.

Укажу тому, которой, скажем, десять лет назад, тем более ранее, не было, но в последние годы она заявила о себе, и наше сообщество будет обсуждать ее всегда. Речь идет об отношении живущих и действующих социологов к научному наследию наших учителей, старших коллег, друзей. Жизнь так устроена, что они слабеют, отходят от активной научной деятельности, уходят от нас навсегда... В 2006 г. ушел из жизни Ю.А. Левада, через год скончался Б.А. Грушин, в следующие четыре года не стало А.Г. Здравомыслова, В.Н. Шубкина, И.С. Кона, в конце августа 2013 г. — Т.И. Заславской. Но сделанное ими — наше общее богатство, и судьба их наследия определяется не только тем, что ими сделано, но и нашим отношением к тому, что нам досталось как обладателям этого наследия.

Не буду расширять этот мартиролог, и так ясно, что естественный ход развития российского социологического сообщества поставил перед ним новую задачу — изучение биографий и деятельности тех, кто стоял у истоков современной российской социологии. Без этого невозможно обеспечить неразрывность российской социологии, выработать и сохранить научные традиции.

Борис Андреевич Грушин — знаковая фигура в академическом сообществе, признаваемая и уважаемая среди полстеров и широко известная вне профессионального круга. Грушин был и остается фигурой публичной. Именно он сделал изучение общественного мнения не только предметом полстерского анализа, оперативного изучения и журналистского комментирования, но предметом академической науки. Грушин, возможно, единственный в мировой истории изучения общественного мнения философ и логик, обратившийся к исследованию этого феномена в опоре на результаты собственных опросов. Именно в силу серьезной теоретической подготовленности он очень скоро в своей аналитической деятельности перешел от описания статистики мнений, характерного для журналистики, к изучению природы общественного мнения, механизмов его возникновения и функционирования. При этом его деятельность приобрела социологическую направленность. Таким образом, опросы населения, со-

хранившие свое прикладное значение, одновременно превратились для него в лабораторию глубинного теоретико-эмпирического исследования массового сознания.

Борис Андреевич Грушин родился в Москве в 1929 г. В одном из интервью он сказал: «Я москвич в третьем поколении. Мама служила по бухгалтерской части. Дед был пекарем, отец тоже. У отца (мы с ним очень дружили) было четыре класса образования, но человек это был совершенно особого склада ума и характера. Член партии с 1924 г. Фронтвик. Ушел добровольцем в первые же дни войны, хотя у него тогда уже не было одной почки. Был тяжело ранен. Карьеру свою он закончил в Минфине, в аппарате министра финансов А.Г. Зверева».

Как вспоминала Н.Г. Карцева, вдова Бориса Андреевича: «Борины родители были замечательные люди — добрые, порядочные, заботливые. Отец, сам не большой книголюб, оставил двум своим сыновьям огромную библиотеку классической литературы — русской и мировой. В своем Министерстве финансов он отвечал за подписку на книги, и сам ничего из выходящего не пропускал. А Боря к тому же получил после его смерти сотни пластинок, которые отец собирал всю жизнь. Сейчас это просто бесценные музейные экспонаты».

Кто из мальчишек мечтает стать философом? Боря мечтал стать дирижером. У него был абсолютный слух, и до войны он учился играть на скрипке. Война спутала карты, и когда семья вернулась в Москву из эвакуации, возможность серьезно заниматься музыкой была упущена — тут, как и в балете, надо начинать гораздо раньше. Но безумную любовь к музыке он сохранил на всю жизнь. В основном он работал дома и всегда отгораживался от всей домашней суеты стеной из музыки».

По мнению одноклассника и друга Грушина А.С. Косинского, семьи Грушина «...не коснулись репрессии 30-х годов, и он по убеждениям был абсолютным большевиком. Свято верил в наступление коммунизма в ближайшее время. “Ты только посмотри, — кричал он мне, — Бошьян утверждает, что коммунизм наступит через пять лет! Лепешинская в пробирке уже выращивает нового человека! А какие перспективы открывает Лысенко!”». Все мои сомнения по этому поводу отвергались в самой категорической форме» [1, с. 30].

Начало учебы Грушина в МГУ ярко описал М.С. Хромченко: «Золотой медалист, еще в школе начитавшись Гегеля и Фейербаха, легко преодолев собеседование, поступает на философский факультет университета с целью заниматься этикой и эстетикой по Чернышевскому. Оказывается, идейного комсо-

мольца в кожанке, хотя и без маузера <...> не устраивало не только раздельное обучение, против которого он выступал еще в школе, но и некоторые отклонения в поведении советских людей в кавычках. Полагая, что для их исправления надо усилить коммунистическое воспитание, он хотел за годы обучения пополнить свой теоретический багаж. Окончательно переосмыслить систему идеологических координат ему пришлось, однако, в страшные годы борьбы с безродными космополитами, детей которых, тех, кто учился на его курсе, он чуть ли не в одиночку защищал» [2, с. 32, 33]. Возможно, что со временем Грушин стал бы «нормальным» философом, разрабатывал бы проблемы морали, но в год его поступления в университет произошло непредвиденное.

По воспоминаниям И.С. Ладенко, автора множества работ по философии познания, формировавшегося в московской школе методологов, однажды в кабинет генералиссимуса, работавшего по ночам, были «доставлены» оставшиеся в живых отечественные логики, в том числе В. Асмус, М. Строгович и П. Попов. Вождь предъявил им «Учебник логики» для гимназий Г. Челпанова, произнес речь о пользе логики и необходимости изучения ее советскими специалистами, руководящими работниками и студентами, а затем дал задание — обеспечить подготовку преподавательских кадров и развернуть образовательный процесс в учебных заведениях [3]. После этой встречи на философском факультете МГУ была открыта кафедра логики, и Грушин тут же, по его словам, «откликнулся на призыв партии и правительства»» [4, с. 205].

Через много лет, в 2000 г., Грушин так вспоминал период студенчества: «Кстати, это время, 1947–1952 гг. — время при жизни Сталина, было временем гигантских, трагических событий. Один 1949 г. чего стоил — когда в течение года была и кровавая, и бескровная, но острейшая, напряженнейшая борьба с так называемыми космополитами. Потом знаменитый процесс 1951 г., связанный с врачами. То есть ситуация была до предела накалена в политическом и идеологическом смысле» [1, с. 12]. Он писал, что ситуация на факультете была достаточно напряженной, однако там чувствовалось очень серьезное брожение в умах. В частности, он связывал это с тем, что вернулись с фронта с новыми идеями совершенно светлые умы, люди типа Э.В. Ильенкова, В.Ж. Келле, А.А. Зиновьева. Они видели мир, они первыми прорвались за «железный занавес» и вернулись, увидев совершенно иные образцы, иные формы жизни, нежели те, которые были присущи тоталитарному сталинскому обществу.

Университетские годы Грушина прошли в напряженных философских дискуссиях внутри не-

формального дружеского объединения, известного сегодня как Московский методологический кружок (ММК). Кружок возник в начале 1950-х гг. и окончательно оформился в 1954 г. Основателями, ядром ММК были четыре человека, каждый из которых внес значительный вклад в науку, философскую культуру и нравственный климат советского общества.

Старшим в этом объединении был Александр Александрович Зиновьев (1922–2006), которого, вспоминает в одном из интервью Б.А. Грушин, за глаза называли Учителем. Ко времени возникновения кружка А.А. Зиновьев имел богатую событиями биографию. До войны он учился в Институте истории, философии и литературы (ИФЛИ), был арестован по обвинению в подготовке убийства Сталина, бежал из-под следствия, в годы войны воевал сначала в танковом полку, а затем в штурмовой авиации. Одновременно с обучением на философском факультете он учился на механико-математическом. А.А. Зиновьевым получены принципиальные результаты в области логики и методологии науки, и он широко известен как автор ряда социологических исследований о природе коммунистического общества. После публикации книги «Зияющие высоты» в 1979 г. Зиновьев был выслан из СССР; в Россию он вернулся в июне 1999 г.

Ровесником Грушина был Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994). Проучившись три года на физическом факультете МГУ, он отказался заниматься атомной тематикой и в 1949 г. перевелся на философский факультет, который с отличием окончил в 1953 г. В течение многих лет круг его научных интересов включал структурно-системный анализ знаний и мыслительной деятельности, определение места и границ логических и нормативных методов анализа мышления. В 1968 г. Г.П. Щедровицкий подписал коллективное письмо руководителям КПСС и правительству в поддержку правозащитников Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова. Сразу последовали исключение из партии, увольнение с работы, потеря возможности публиковаться. Через несколько месяцев он нашел новую работу и сконцентрировался на проблемах семиотики и теории понимания, особенностях проектного, планирующего и программирующего мышления, перспективах развития соответствующей методологии. Позже им была разработана новая форма организации коллективного мышления и деятельности, получившая название «организационно-деятельностные игры».

Позже всех примкнувшим к ним и младшим в этой четверке был Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990), один из крупнейших фило-

софов второй половины XX в. Он был прирожденным мыслителем. В личном письме сестре Мамардашвили Грушин писал: «Если я когда-либо встречал так называемого нонконформиста, то это был прежде всего Мераб. Я встретил его в первый или во второй день появления на философском факультете в 1949 г. <...> когда у нас начала складываться <...> группа людей, которая чувствовала всю несуразность того, что происходит в философии, в образовании философском. Я был тогда студентом третьего курса, когда появился Мераб. Он не сразу примкнул к нам, и не примкнул именно потому, что резко отличался по складу своего мышления, по взглядам на жизнь вокруг нас. Но он сразу внес какую-то абсолютно новую линию, новую ноту. Он уже тогда утверждал то видение мира, до которого мы добрались коллективными усилиями только в 1990-м» [5].

Участники ММК называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами». Грушин вспоминает: «Поначалу мы назывались просто диалектические станковисты, а я, как любитель древнегреческого эпоса, знал о двух выдающихся братьях-близнецах Диоскурах, Касторе и Полидевке, которые не расставались никогда друг с другом. И потому, желая подчеркнуть особый тип наших отношений, предложил называться “диастанкурами”».

Кружковцы понимали, что выбор любой тематики из области исторического материализма означал превращение сделавшего этот выбор в своеобразного пономаря, обслуживавшего идеологические шестеренки. Они отыскивали свою тематику на пересечении содержательной и диалектической логики, но старательно избегали говорить о диалектической логике, чтобы подчеркнуть свое отличие от идеологизированных трактовок Марксовой диалектики. С темой собственных исследований Грушин определился рано: это было изучение логики «Капитала». В 1952 г. он окончил МГУ, с дипломной работой «Проблема логического и исторического в “Капитале” Маркса».

Кандидатская диссертация Грушина называлась «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». В ней было показано, что развитие возможно лишь в том случае, если соответствующие объекты, процессы обладают системным характером. Системность объявлялась базой, основой развития, и в нем вычленялись определенные универсальные этапы. Для доказательства справедливости своей точки зрения Грушин обращался к историческому и естественнонаучному материалу.

В своих заметках И. Ладенко писал о диссертации Грушина: «Его интересы не ограничивались анализом

“Капитала”; он привлекал научные сочинения разных авторов, стремясь путем сопоставления и сравнения найти общие для них приемы и способы мышления. Это были исторические исследования, притом не только истории обществ, но также истории природных явлений. Обращаясь к вопросу о соотношении исторического и логического, Б. Грушин выходил за границы того, что было в “Капитале”, и обсуждал этот вопрос для других случаев построения теоретического знания о сложных развивающихся объектах. Он ввел представления о структурно-исторических и историко-структурных исследованиях, а также об особенностях применяемых в них приемов и способов мышления» [3].

Грушинская трактовка соотношения логического и исторического не нашла поддержки у Ученого совета, и в 1955 г. диссертанта провалили на защите. Много позже Грушин так описывал сложившуюся ситуацию: «Мне не просто провалили диссертацию, а дали “волчий” билет, я никуда не мог устроиться на работу. Куда я ни приходил — меня не брали! Ни в один институт. Конечно, у меня была возможность устроиться в школу, но мне такая работа очень не нравилась. У меня родился ребенок, нужно было зарабатывать деньги для семьи. А я не умел ничего! Кто-то подрабатывал грузчиком, но я с этой точки зрения никуда не годился».

В 1957 г. Грушин защищал работу второй раз; обсуждение длилось пять с половиной часов. Итог защиты был успешным: 15 — «за» и 3 — «против», но эти трое написали в ВАК о том, что факультет совершил грубую идеологическую ошибку и пропустил антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищаться третий раз, теперь в ВАКе. Все завершилось только в 1958 г. Но все равно на партийных собраниях философского факультета постоянно вспоминали о ревизионистах, антимарксистах, формалистах, позитивистах Зиновьеве, Щедровицком и Грушине. И лишь в 1959 г. декан предложил: «Давайте Грушина оставим в покое! Все-таки он редактор отдела пропаганды в “Комсомольской правде”, в центральной газете!» В 1961 г. кандидатская диссертация Грушина была опубликована в виде монографии [6].

Сын Джорджа Гэллапа, Джордж Гэллап-младший, сказал о своем отце: «Он был человеком идей и идеалов». Эту характеристику в различной мере можно распространить на советских социологов-шестидесятников, начинавших свои исследования на рубеже 1950–1960-х гг., но в первую очередь, она относится к Грушину. В моем понимании лишь идеалист, мечтатель был способен начать опросы общественного мнения в СССР в 1960-х гг., бороться

за их проведение, рисковать и жертвовать многим, носиться, как говорили о Грушине его друзья, с такой «идеей-фикусом».

Поскольку в те годы, по большому счету, было много и много спокойнее, возможно и «хлебнее», не заниматься социологическими исследованиями, чем пробивать их, то думается, что подобное соотношение идеалов и идей достаточно характерно для ряда пионеров советской/российской социологии. С одной стороны, представления о возможности улучшения, трансформации общества на базе научных построений о нем было стимулом и двигателем их деятельности в 1960-е — первую половину 1970-х гг. Потом социология стала профессией, и уже не требовалось мощных дополнительных стимулов — внешних или внутренних — для продолжения исследовательской работы. С другой стороны, масса обстоятельств, принципиально ограничивавших планирование научных поисков и повседневную исследовательскую практику, не могли не сдерживать креативность советских социологов. Система организации и функционирования социологии как науки, идеологические барьеры, самоцензура, урезанные, перекошенные контакты с западной социологией не позволяли ученым в полной мере проявить свои возможности в области теоретических построений и методических решений. У многих ведущих социологов страны были проблемы с получением одобрения соответствующими инстанциями тем, которые считали важными для углубленного анализа, с созданием измерительного инструментария, со сбором и обработкой первичной информации, с публикацией полученных результатов.

На мой взгляд, Грушин не был ни «красным», ни «белым»; ни левым, ни правым; ни либералом, ни консерватором; ни русофилом, ни западником; ни пессимистом, ни оптимистом. Он старался быть совершенно свободным, у него была своя цель в жизни и своя дорога. Его студенческому другу Мерабу Мамардашвили принадлежат слова: «Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои». И Грушин говорил: «Мы действительно никогда не включались ни в какие политические сюжеты — даже если речь шла о Сахарове или об “уходе в диссиденты”». Когда ему предлагали это, он отвечал, что у него «есть работа на собственном поле».

Это не означает, что Грушин не имел своей позиции по острейшим политическим событиям и был безразличен к тому, что происходило внутри социологического сообщества. Легендарным, обросшим многими мифами стало его участие в конце 1960-х гг. в совещании в Академии общественных наук при ЦК КПСС, на котором резкой критике, проще —

разносу, была подвергнута книга Ю. Левады по методологии социологических исследований. Обвинения носили идеологический характер. На обсуждении выступил Грушин, он поддержал Леваду и сказал: «Время покажет, кто стоял на пути развития социальной науки, а кто лежал, причем не вдоль, а поперек». И добавил в адрес сидевших в президиуме: «Мертвые хватают живых» [4, с. 214].

В одном из своих интервью Грушин сказал: «Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом» [1, с. 133]. Это верно; однако, думается мне, дух оруджавских комиссаров «в пыльных шлемах» и светловская «испанская грусть» оставались в нем. Как и всегда было в нем «настоящее буйство», о котором писал Владимир Высоцкий, и неистовство, которое присутствовало в образах коммуниста в известном фильме с Евгением Урбанским и комиссара, сыгранного Нонной Мордюковой. Иначе невозможно объяснить, почему, живя в обществе, в котором все подчинялось государству, он считал, что общественное мнение имеет право на существование и должно быть услышанным. Начиная опросы, Грушин не мог предполагать, что не только нашел тему исследований, но и определил главную линию своей жизни.

Рассматривая творчество и траекторию жизни Грушина, приходишь к выводу о том, что важнейшим стимулом, двигателем его деятельности были его идеалы свободы, уверенность в том, что власти обязаны слушать и слышать мнения людей. Потому так важно понять, откуда все это возникло в человеке, родившемся через 12 лет после Октябрьской революции и воспитывавшемся в годы почти тотального подавления личности.

Могли ли абстрактные философские исследования Грушина позже подвести его к социологическим исследованиям массового сознания? Думается, что да; просматривается достаточно простая логическая цепочка: разрешая себе быть свободным в своих теоретических суждениях, Грушин не мог не подойти и к признанию свободы для людей с улицы воспринимать мир и высказывать свои суждения о нем. Настоящая философия социальна и моральна, и Грушин воспринял ее ядро. Будучи диастанкурором, он не мог не разделять одного из важнейших политико-нравственных положений философии Мамардашвили, видевшего назначение человека в том, чтобы стать свободным.

Итак, после провала защиты диссертации у завершившего обучение в аспирантуре Грушина наступило трудное время. Диастанкуры считались ярко выраженными антимарксистами, и действовало

правило «волчьего билета», закрывавшее перед Грушиным возможность найти работу по специальности. В день его 75-летия, отвечая на вопрос О. Кучкиной о том, как он попал в «Комсомольскую правду», Грушин ответил: «Дуриком. После долгой безработицы. Я никогда не думал, что могу стать журналистом». И далее: «Жена Зиновьева, Тамара Филатова, сказала: напиши нам что-нибудь, хоть гонорар получишь. И я написал статью “Главная экономическая задача СССР” — не помню, какая. Я сохранил все заметки в “Комсомолке”, включая “Уголок орнитолога”, который вел, а эта не сохранилась» [1, с. 425, 426]. Главный редактор заинтересовался той статьей Грушина, так в апреле 1956 г. он попал в газету. Грушин считал это чудом, «Комсомолка» была тогда лучшей советской газетой.

Во второй половине 1950-х гг. «Комсомольскую правду» возглавлял А.И. Аджубей (1924–1993) — незаурядная личность, выдающийся журналист периода хрущевской «оттепели», при котором газета стала выходить миллионными тиражами. «Комсомолка» того времени отличалась особым стилем и духом: поддерживались новые идеи и открывались новые жанры, проводились дискуссии по вопросам, волновавшим молодежь, публиковались письма реабилитированных, вернувшихся из концлагерей. На работу Грушина принимал Аджубей. Много позже Грушин заметил: «Я несколько раз в жизни был в хороших коллективах, так мне повезло, но я никогда не встречал такого тепла, таких дружеских отношений между людьми самых разных возрастов, такой поддержки и полного отсутствия зависти. Много шло от журналистов, которые пришли с фронта. Они были старше нас и казались просто стариками <...> Они создали климат честности» [1, с. 136].

Первые три года в газете для Грушина были тяжелыми — от сознания, что он вынужден был отказаться от любимого дела. Уже став редактором отдела пропаганды, он собирался вернуться в логику по-настоящему оснащенным математически и пошел учиться на механико-математический факультет МГУ. Сдал пять сессий и провалил шестую, потому что «засасывали» дела и жизнь газеты. Возможно, он все же вернулся бы в логику, но к 1960 г. у него постепенно изменились научные интересы: от изучения научного сознания он перешел к анализу сознания массового. Грушин пишет: «Когда именно родилась идея создать Институт общественного мнения, я не помню. Думаю, это было результатом коллективных усилий нескольких людей — не только моих, но и тогдашнего главного редактора “Комсомолки” Ю.П. Воронова, ее будущего главного

редактора Б.Д. Панкина и моего зама В.В. Чикина» [4, с. 208].

В обстоятельной статье, озаглавленной «К истории научного изучения общественного мнения», Грушин указывает на две важнейшие специфические черты рождения Института общественного мнения Комсомольской правды. Он подчеркивает, что «...создание ИОМ “КП” было чистейшим образом инициировано “снизу” <...> а вовсе не “сверху”, не по указанию руководства партии или комсомола». Многие западные журналисты, замечал он, не могли представить себе подобной «вольности» и подозревали, что за этой акцией скрывается рука ЦК КПСС, если не КГБ. Грушин называет возникновение «Центра именно в “Комсомольской правде”» во многом случайным, объясняемым действием ряда чисто субъективных факторов. По мнению Грушина, решающим был царивший в коллективе особый дух товарищества [1, с. 220, 221].

Институт общественного мнения (ИОМ) «КП» возник в мае 1960 г. и руководил им Грушин. Первый опрос был проведен 10–14 мая 1960 г. в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и взят в плен пилот Пауэрс. Тема опроса «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом.

Анкета для самозаполнения включала три главных вопроса: «Удастся ли человечеству предотвратить войну (да, нет)», «На чем основана ваша уверенность?», «Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?»

Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром Воронову позвонили от “первого” и сообщили: “Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: “Прекрасно. Поздравляем с большим успехом”. На следующий же день газета “Правда” (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке “Из последней почты” оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [4, с. 209].

Продолжение читайте в следующем номере

ЛИТЕРАТУРА

1. Открывая Грушина / ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Издательство Московского университета, 2010. 564 с.
2. Хромченко М.С. Диалектические станковисты. М.: Школа культурной политики, 2004. 160 с.
3. Ладенко И.О. Становление и развитие идей генетической логики // Вопросы методологии. 1991. № 3.
4. Грушин Б.А. Горький вкус не востребованности // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
5. Сенокосов Ю.П. Мераб Мамардашвили: вехи творчества // Мгарский колокол. Всеукраинский журнал. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1104> (дата обращения: 12.12.2014).
6. Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1961. 216 с.

REFERENCES

1. Anikina M.E., Khrul' V.M. *Otkryvaya Grushina* [Discovering Grushin]. Moscow, Moscow University Publishing house, 2010. 564 p.
2. Khromchenko M.S. *Dialekticheskie stankovisty* [Dialectical easel-painters]. Moscow, The School of cultural policy Publ., 2004. 160 p.
3. Ledenko I.O. Stanovlenie i razvitie ideygeneticheskoy logiki [The formation and development of the ideas of genetic logic]. *Voprosymetodologii* [Methodological Issues]. 1991, I. 3.
4. Grushin B.A. Gor'kiy vkus nevostrebovanosti [A bitter taste of the unclaim]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. St. Petersburg, Russian Christian humanitarian Institute Publ., 1999.
5. Senokosov Yu.P. Merab Mamardashvili: vekhi tvorchestva [Merab Mamardashvili: milestones of creativity]. *Mgarskiy kolokol. Vseukrainskiy zhurnal* [Mgarsky bell. All-Ukrainian magazine]. Available at: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1104> (Accessed: 12 December 2014).
6. Grushin B.A. *Ocherki logiki istoricheskogo issledovaniya* [Essays on the logic of historical research]. Moscow, Higher school, 1961. 216 p.

Докторов Б.З.

ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ «ГРУШИНСКОЙ ШИНЕЛИ»

Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б.А. Грушина. М.: Радуга, 2014. 100 с.

Настоящая книга была опубликована в рамках подготовки к IV Международной социологической конференции «Продолжая Грушина». Она знакомит читателя с основными вехами биографии и научными достижениями Б.А. Грушина. Это первая попытка монографического исследования его жизни и творчества.

Книга адресована исследователям, преподавателям, аспирантам и студентам, специализирующимся в области истории и методологии социологии, проведения опросов общественного мнения и изучения рынка. Одновременно она обращена и к более широкому кругу читателей: социологам, политологам и политтехнологам, специалистам по связям с общественностью, журналистам, всем, кто интересуется прошлым, настоящим и будущим изучения общественного мнения.

